

ФИЛОСОФИЯ: ТЕХНОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ

Л.8. ТЕХНОЛОГИИ ВЛАСТИ и/или ВЛАСТЬ ТЕХНОЛОГИЙ

ИВАНОВ АЛЕКСЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ, К.Ф.Н.

<https://vk.com/club171002709>

Кафедра философии: аудитории 601 и 603б корпуса 11 (Ленина,
23)

<https://www.youtube.com/watch?v=m6U0ZR-PqRs>

В разговоре Нео с советником Хаммондом из фильма «Матрица: перезагрузка» затронуты несколько важных для нас тем:

- 1) Зависимость нашей жизни от машин, от техники и от технологии;**
- 2) Проблема власти и контроля;**
- 3) Связь власти со знанием;**
- 4) Связь «средства» и «цели» как связь «технологии» и «идеологии».**

1) Зависимость нашей жизни от машин, от техники и от технологии. Это так. Но что такое «техника»? И как мы с ней связаны?

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ

Согласно теории Э.Каппа, техника — это **органопроекция**

«...человек, в целях конструкции машин, должен был бессознательно возвращаться к самому себе, чтобы, по образцу цельных, живых членов своего организма, привести части мёртвой машины в согласованное, целесообразное движение»

Эрнст Капп (1808-1896)

ТЕХНИКА

от τέχνη — искусство, мастерство, умение

Техника является судьбой человека, движением человеческого духа к самому себе. Согласно Каппу, подлинность человека находит свое воплощение не в науке и даже не в философии, а в философии техники, ибо техника есть символическое бытие человека.

ВОПРОС О ТЕХНИКЕ

М.Хайдеггер

1. Два общепринятых понимания техники (инструментальное и антропологическое) - верны, но недостаточны. Техника не только «средство» и не только «человеческий способ деятельности».

2. Греческое **τέχνη (технэ)**, - слово, которым обозначались искусство и ремесло, - имеет отношение к **ποίησις (пойэсис)**, к про-из-ведению. Пойэсис это художественно-поэтическое выведение к явленности.

3. **Τέχνη** стоит рядом еще и со словом **ἐπιστήμη (эпистэмэ)**, которое обозначает знание. Знание — это ведь тоже «выведение к явленности».

4. Суть техники — раскрытие скрытого, техника это вид раскрытия потаенности, или вид приведения к непотаенному, к истине (**ἀληθεια**).

5. К существу техники относится и опасность, все более заметная с начала Нового времени — превратиться в деятельность по приведению мира в совокупность вещей, состоящих-в-наличии и готовых к употреблению, вещей-инструментов.

6. За техникой стоит особый вызов, реализацией которого и выступает современная техника — **Gestell (постав)**. Техника предоставляет, составляет, поставляет вещи, ставит их перед нами как полностью присутствующие, наличные. Сам человек начинает понимать себя как просто «состоящее в наличии».

7. Может ли искусство стать мерой понимания техники и, возможно, знания? Это тот вопрос, который остается от Хайдеггера.

А теперь поиграем словами. А что если техника, это все же просто средство? Пускай. Попробуем подумать о средстве не в его соотнесенностью с целью, а о его месте в деятельности. Попробуем представить топологию средства.

Средство это то, что всегда посередине, между субъектом и объектом некой деятельности. Молоток — средство и как таковое он между рукой и гвоздем, а гвоздь между молотком и стеной. Но молоток-средство еще и посредник, передающий силу руки гвоздю, однако сила не посылка, а молоток не почтовая коробка. Сила удара посредством молотка переводится в ту форму, которую способен принять гвоздь. Молоток производит работу перевода-преобразования больших усилий в малые.

Молоток — это та среда, в которой становится возможна встреча руки и гвоздя для забивания гвоздя. Но, еще раз, молоток не почтальон, передающий посылку без изменений, скорее он или проводник или переводчик (преобразует сообщение)

Средство — как то, что посередине, есть посредник и среда.

Поиграв словами мы можем выйти к пониманию техники в духе медиафилософии и в духе АСТ.

1) Что такое media ? “продолжение человека” *«Все технологии суть расширения наших физических и нервных систем, нацеленные на увеличение энергии и повышение скорости»*. Каждая новая технология, расширяя нашу «нервную систему» убыстряет процесс коммуникации, изменяя формы организации обществ, экономики, мировоззрения.

Вместе с тем, каждая новая технология, совершенствуя какую-то из наших способностей, абстрагирует ее от нас, «овнешняет», делает ненужным ее совершенствование в нас самих. Это называется *«ампутацией»*.

2) Эпоха «племенного человека», Эпоха письменности, Галактика Гуттенберга, Галактика Маркони (изобретение телеграфа). Эпоха электронной коммуникации.

3) Принцип «The medium is the message» («Средство коммуникации есть сообщение» или «Медиум — это послание») - прочитывается зачастую весьма многозначно, в самой же работе Маклюэна «Понимание медиа» он излагается так: «Личностные и социальные последствия любого средства коммуникации — то есть любого нашего расширения вовне — вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела».

4) Горячие и холодные медиа.

По мнению Маклюэна все медиа можно разбить на две большие группы:

А. Горячее медиа — это медиа, которое расширяет одно чувство до предела, до очень высокого разрешения. Высокое разрешение означает, что содержание полностью заполнено информацией. Такие медиа исключают или минимализируют вклад аудитории, перцепиента. Примеры горячих медиа — радио, кино, телевидение.

Б. Холодное медиа — это медиа, которое предоставляет участнику только форму, и для своего функционирования требуют большого личного вклада. Например, книги, которые требуют от читателя максимального внимания и дополнительного включения воображения.

6) «Глобальная деревня». Эпоха электронной коммуникации – децентрализация процессов коммуникации, ускорение реакций и всеобщая включенностью в информационное поле. Общество как единое человечество, как «глобальная деревня», возврат коллективного мышления.

Технология требуется тогда, когда мы хотим создать асимметрию, неравенство между одной конкретной обстановкой или сценой и всеми остальными. Технология—один из способов упорядочивания мира, достигающий асимметрии (между сигналом и шумом, порядком и хаосом) за счет делегирования/перевода/перемещения/замещения. (про Латура)

технологии как способе создавать локальные и асимметричные порядки среди хаоса.

2) Власть и контроль;

Контроль выражается в том, что мы можем «разнести машины на куски, как только захотим». Так говорит советник Хаммонд. Правда нам станет нечем дышать, но это же детали, верно? Вы контролируете то, что можете уничтожить. Это имеет прямое отношение к власти — это и есть власть в ее максимальном выражении — возможность уничтожения того, что способно стать проблемой.

Можно ли доверять машине, которую не сможешь сломать?

Первая проблема в том, что разделение человека и техники — не действенно. Что мы будем уничтожать?

Вторая проблема в том, что власть, возможно, глубоко безразлична к вопросу о том, «что» уничтожать, но существует лишь в самой способности осуществить акт уничтожения того, что ей угрожает.

Рассмотрим вторую проблему. Что такое власть?

Власть

Власть — это возможность навязать свою волю, управлять или воздействовать на других людей, даже вопреки их сопротивлению

Специфической разновидностью является политическая власть — способность определённой социальной группы или класса осуществлять свою волю, оказывать воздействие на деятельность других социальных групп или классов.

В отличие от иных видов власти (семейной, общественной и др.), политическая власть оказывает своё влияние на большие группы людей, использует в этих целях специально созданный аппарат и специфические средства.

Наиболее сильным элементом политической власти является государство и система государственных органов, реализующих государственную власть.

Карл Шмитт (1888-1985)

Что такое «политическое»? (из работы «Понятие политического»)

Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие друга и врага.

Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации;

Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чужой, и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так что в экстремальном случае возможны конфликты с ним, которые не могут быть разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни приговором "непричастного" и потому "беспристрастного" третьего.

Понятия "друг", "враг" и "борьба" свой реальный смысл получают благодаря тому, что они в особенности соотнесены и сохраняют особую связь с реальной возможностью физического убийства. Война следует из вражды, ибо эта последняя есть бытийственное отрицание чужого бытия. Война есть только крайняя реализация вражды. Ей не нужно быть чем-то повседневным, чем-то нормальным, но ее и не надо воспринимать как нечто идеальное или желательное, а скорее, она должна оставаться в наличии как реальная возможность, покуда смысл имеет понятие врага.

Что такое «суверенитет»?

«Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»
(из работы «Политическая теология»)

Исключительный случай, случай, не описанный в действующем праве, может быть в лучшем случае охарактеризован как случай крайней необходимости, угрозы существованию государства или что либо подобное, но не может быть описан по своему фактическому составу. Лишь этот случай актуализирует вопрос о субъекте суверенитета, то есть вопрос о суверенитете вообще. Невозможно не только указать с ясностью, позволяющей подвести под общее правило, когда наступает случай крайней необходимости, но и перечислить по содержанию, что может происходить в том случае, когда речь действительно идет об экстремальном случае крайней необходимости его устранения.

Суверен стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть приостановлено действие конституции.

Из теории Шмитта можно вывести ряд вопросов:

1) Власть в политическом измерении действует через разделение «друга» и «врага». Но могут ли быть значимы и иные разделения, вносимые в «общество», мир, человека, природу? Разделение, возможно, всегда имеет политический смысл.

divide et impera

В нашей культуре человек всегда мыслился как разделение и объединение тела и души, живого существа и logos'a, природного (или животного) и сверхъестественного, социального или божественного элемента.

Наоборот, мы должны учиться мыслить человека как результат разъятия двух этих элементов и исследовать не метафизическую тайну их объединения, а практическую и политическую тайну их разделения.

Что такое человек, если он всегда является местом—и в то же время результатом — непрерывных разделений и цезур? Исследовать эти разделения, задаваться вопросом, каким образом человек — в человеке — отличается от не-человека, и животное начало от человеческого, является более насущным, нежели определять позицию по отношению к великим вопросам, к так называемым человеческим ценностям и правам человека.

(Д.Агамбен «Открытое»)

Агамбен касается вопросов, которые, мы уже затрагивали.

«В чем политическая тайна разделения» реальности на «Общество» и «Природу» показал Латур в «Политиках природы»

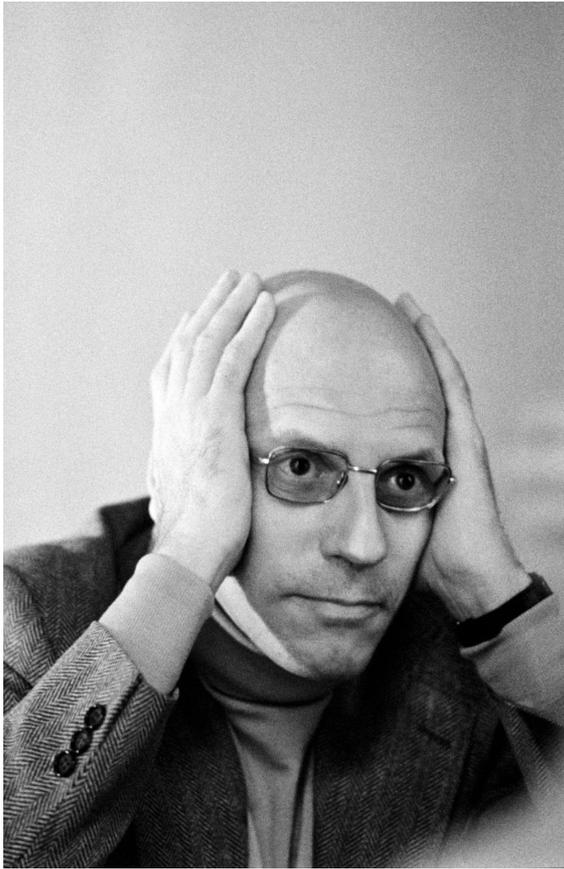
Понятие Природы выполняет функцию истока объективности и истока власти над обществом и над нечеловеческими существами. Концепция единой Природы выполняет властную функцию. От имени Природы к нам обращаются с целью нормализовать нас или исключить. При этом апелляция к Природе облагораживает этические и социальные нормы. «Смотри, такова природа вещей — поэтому подчиняйся». Природное и общественное, по Латуру НИКОГДА не существовали отдельно реально, но почти всегда разъединялись мысленно. Экологи заменяют серую механистическую природу на природу милую и заботливую, но суть дела от этого не меняется. Латур считает, что понятие Природы и, особенно природного порядка — политические по сути. И они, на деле, мешают нам заниматься политикой по настоящему.

«Политическую тайну» разделения человека на душу и тело показал еще **Платон**

в Алкивиаде. Чтобы правильно заботиться о себе нужно познать себя, но познать себя как душу, способную пользоваться телом как инструментом.

О разделении «животного» и «человека» как операции имеющей политическое значение говорит Д. Агамбен в работе «Открытое»

Власть не сводится к политическому.

Мишель Фуко

Власть являет собой «множественность отношений силы». Эти отношения исходят из неоднородных точек, распределённых по всему социальному пространству, они не локализируются в единственном центре, который осуществлял бы универсальное принуждение. Напротив, властные отношения выражаются во множестве очагов тактического давления и насилия, которые действуют анонимно и всегда отсылают к чему-то другому.

Власть исходит не от акторов. Она встроена в практики, которые совершают субъекты любого статуса и класса, то есть она проявляется в способах говорить, организовывать пространство и повседневность и т. д.

Дискурс у Фуко — это то, в чём, посредством чего и в отношении чего непосредственно реализуется власть. Он является сетью «речей, текстов и практик» и организован таким образом, что субъект может вступить в отношения с другим субъектом только заняв определённое место в соответствующем дискурсе (экономическом, политическом и многих более частных).

Власть проводит множество различий и исключений, формируя пространства, в которых она действенна. Можно сказать, что эти две операции и есть «технологическая» база власти.

Агамбен писал, что важнейшей для создания общества операцией, операцией поддерживающей общество выступает т.н. «антропологическая машина» порождающая различие человека и животного. Только человеческое в полной мере способно к социальности, животное нет. Но животное как исключается, так и преобразовывается человеческим. Антропологическая машина все время работает, производя сходства и различия — сама эта работа и есть критерий «социальности». Исключение-включение природного — фактор становления социального.

Джорджо Агамбен (1942 -)

Отношения между человеком и животным, таким образом, очерчивают сущностное поле, на котором исторические исследования оказываются противопоставленными той кайме надъисторического, к которой невозможно найти доступ без обращения к первой философии. Стало быть, представляется, что определение границы между человеческим и животным является не одним среди многих вопросов, о которых спорят философы и теологи, ученые и политики, но, скорее, основополагающей метафизико-политической операцией, посредством коей только и возможно определить и произвести то, что называется «человеком». Если бы животные и человеческие функции полностью покрывали друг друга, то были бы немыслимы ни человек, ни животное — а иногда также и божественное. (Д.Агамбен Открытое)

Вспомним «Таинственный остров» Жюль Верна. Пятеро предприимчивых американцев оказываются на необитаемом острове, на котором за 4!! года почти из ничего (не считая помощи капитана Немо) строят аналог индустриальной цивилизации. Это уже не история Робинзона. В случае Робинзона мы видим как социальность, впечатанная в человека, способна перемещаться с места на место, практически не меняя свою форму, ведь и сам Робинзон не теряет свою социальность, хотя долгие годы живет в полном одиночестве. Это история о неизменном самотождественном Разуме, совмещенном с социальным. В «Таинственном острове» мы уже видим историю прогресса: только в условиях отсутствия искажающих социальных условий (неравенство, конкуренция, сословное устройство и т.п.) разум достигаает столь впечатляющих успехов. И колонисты не копируют свою социальность, но создают.

На второй год пребывания на острове колонисты в ходе путешествия на относительно соседний остров обнаруживают некоего Айртон, которого сначала принимают за потерпевшего кораблекрушение моряка. Потом выясняется, что это преступник, оставленный на острове в наказание.

Айртон — не Робинзон. За годы одиночества он почти полностью утратил человеческий облик, стал животным.

Стать животным — это и есть его наказание.

В это время они услышали отчаянные крики, доносившиеся откуда-то из недалеко. К этим крикам вскоре присоединилось рычание, в котором не было ничего человеческого. Гедеон Спилет и Пенкроф бросили верёвки, которыми приготовились вязать свиней, и прислушались. Животные воспользовались этим, чтобы убежать.

— Как будто голос Герберта? — сказал журналист.

— Бежим! — ответил Пенкроф.

И оба со всех ног кинулись на голоса. Они хорошо сделали, что поспешили: за поворотом тропинки перед ними открылась полянка, и они увидели, что Герберт лежит, поваленный на землю каким-то зверем, очевидно гигантской обезьяной, собиравшейся прикончить его. Кинуться на чудовище, в свою очередь повалить его на землю и освободить Герберта — всё это было делом мига для Пенкрофа и Гедеона Спилета. Моряк был настоящим геркулесом, журналист был также крепким мужчиной. Освободив Герберта, они живо связали его противника, так что тот не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Ты не ранен, Герберт? — спросил Пенкроф.

— Нет, нет!

— Если бы эта обезьяна ранила тебя... — начал с угрозой моряк.

— Но это не обезьяна! — возразил Герберт.

При этих словах моряк и журналист посмотрели на своего пленника, лежавшего на земле. Это был человек. Но какой страшный! Дикарь в полном смысле этого слова! Взъерошенные волосы, огромная борода, почти закрывавшая грудь, вместо одежды — набедренная повязка, какой-то рваный лоскут, дикие блуждающие глаза, огромные ручки, затвердевшие, словно роговые, ступни босых ног, — таков был облик этого несчастного существа, потерявшего право называться человеком.

— Уверен ли ты, Герберт, что это человек? — спросил моряк.

— Увы, в этом нельзя сомневаться!

Колонисты забирают Айртона с собой и постепенно он приходит в себя, возвращает себе человеческий облик и поведение, начинает трудиться на общее благо, но предпочитает жить одиноко, не считая себя достойным принять прощение и насладится вновь благами общения с людьми.

Что мы видим тут? Лопата как опора. Тело полусогнуто, кривые ноги. Тут еще он выпрямляется, но не полностью. Трудом он вытравляет обезьяну из себя.

Параллельно этой нравоучительной истории исключения Айртона и его дальнейшего включения через труд в общество в Таинственном острове разорачивается еще одна история: колонисты приручают орангутанга, названного ими Юпитером (Юп). Юп становится частью колонии, прислуживает за столом, помогает в каких то делах. Он проделывает обратный путь Айртону. Антропологическая машина исключила Айртона (озверение), и очеловечила Юпа. Две эти операции, по мысли Агамбена выполняют одну и ту же функцию, но по разному. Мы видим себя в животном (Юп) или животное в себе (Айртон). Но если видеть животное в человеке («увы, в этом нельзя сомневаться!») — значит исключать из социума, то видеть человека в животном — НЕ означает включать животное в социум. Очеловеченный Юп существует как напоминание об отличии. Сколь обезьяну ни дрессируй — она обезьяна и должна служить пародией. Тем, в чем человек может увидеть отличие.

В этой сцене, показывающей как исправившийся Айртон спасает Герберта от ягуара, интересно взаимодействие двух тел - животного и человеческого.

Айртон не столько удерживает тело Зверя на расстоянии, сколько отбрасывает от себя, как будто Зверь не набросился извне, а вырвался изнутри, вернее, был вырван из тела самого человека.

В другой своей работе Дж.Агамбен говорит о том, что это разделение имеет давнюю традицию и проводится по самому определению ЖИЗНИ.

У древних греков не было одного слова для обозначения того, что мы обычно имеем в виду, когда говорим «жизнь». Они пользовались двумя словами, восходящими к одному этимону, но различными семантически и морфологически: **ζοέ**, означавшим сам факт жизни, общий для всех живых существ (будь то животные, люди или боги), и **bios**, указывавшим на правильный способ или форму жизни индивида либо группы. Ни Платон, говоря в «Филебе» о трех родах жизни, ни Аристотель, отличая в «Никомаховой этике» созерцательный образ жизни философа {bios theoreticos) от жизни для наслаждений {bios apolausticos) и от государственного образа жизни {bios politico's), никогда не воспользовались бы словом ζοέ (имеющим, что характерно, только форму единственного числа) по той простой причине, что для них обоих предметом рассуждения была никоим образом не простая природная жизнь, но именно характер жизни, конкретный образ жизни. Конечно, применительно к Богу Аристотель может говорить о ζοέ ariste cai aidios, самой лучшей и вечной жизни, но лишь для того, чтобы подчеркнуть тот небанальный факт, что и Бог тоже является живым существом (так же как в аналогичном контексте он весьма нетривиально использует термин ζοέ для обозначения мыслительного акта), однако говорить о zoe politico's афинских граждан было бы бессмысленно.

...в античном мире простая природная жизнь исключена из polis* как такового и в качестве жизни чисто репродуктивной четко ограничена пространством oikos. (Дж.Агамбен Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь)

«На протяжении тысячелетий человек оставался тем, чем он был для Аристотеля: живущим животным, способным, кроме того, к политическому существованию; современный же человек - это животное, в политике которого его жизнь как живущего существа ставится под вопрос». (Мишель Фуко)

Однако, 18 и 19 века перемещают границы. Тысячелетия политику не интересовала сфера «личного» как «биологической жизни». В Средние века, конечно, сфера личного как область «душевного» входила в задачи пастырского попечения, но сама жизнь оказывалась вне.

Но современность оказывается временем рождения **биополитики** и **биовласти**, для которых *«...биологическая жизнь и здоровье нации стремятся обрести все большее значение как предмет внимания суверенной власти».*(М.Фуко)

Для концепции Фуко важно, во-первых, изучение **политических техник, при помощи которых Государство присваивает и включает в себя заботу о природной жизни индивидов.**

Во-вторых, изучение **технологий себя**, посредством которых осуществляется процесс субъективации - подчинения, приводящий к тому, что индивид оказывается связанным собственной идентичностью и собственным сознанием и одновременно подчиненным внешнему контролю.

Вернемся к концепции контроля и власти. Есть еще 2 вопроса (перый на сл.№14):

2) Способны ли машины контролировать нас? «Ну где уж им», говорил советник Хаммонд, но возможно все не так просто. Машины обладают своеобразным контролем, конечно: в них встроены инструкции по обращению с ними, нарушение которых может повлечь за собой неприятности, порой серьезные. Современные машины усложняют список инструкций. Машины могут ломаться, что требует от нас дополнительных действий. Машины могут работать не так, как хочется. Но проблема не в этом

3) Сувернитет. Многие технострахи связаны с тем, что у нас нет ответа на вопрос: **способна ли машина объявить чрезвычайное положение?** А это обращает нас к третьей теме разговора Нео и Хаммонда.

3) Связь власти со знанием.

Советника пугает то, что он не знает как «работает» Нео. И никто не знает. Соответственно, не ясна и цель работы этой машины. «Но я надеюсь узнать. Пока не поздно», говорит он и в этот момент его взгляд из добродушного становится чуть ли не угрожающим. То, что исключено из сферы знания — угроза.

Развитие технологий приводит к тому, что сфера опасного, - ранее помещенная в область «животного» в человеке, - начинает перемещаться в технологическое.

А что нам может угрожать?

Номо Деус. Краткая история будущего

Юэль Ной Харари

1. Люди будут утрачивать свою экономическую и военную полезность, в результате чего политико-экономическая система перестанет их высоко ценить.
2. Система будет продолжать ценить людей всех вместе, их совокупность, но не уникальных индивидов.
3. Система будет по-прежнему высоко ценить отдельных индивидов — но это будет новая элита усовершенствованных сверхлюдей, а не представители масс.

4. Связь «средства» и «цели» как связь «технологии» и «идеологии»

Советник говорит, что не знает как работает машина, но знает ее предназначение. Это не пугает его, ведь он в курсе, что есть инженеры, которые знают как работает машина и есть рабочие, которые смогут ее починить, если она сломается и есть, - если вдруг возникнет такая цель, - возможность уничтожить машины. Советник, как представитель политической власти в сообществе оставляет за собой право знать предназначение машины — это и есть «идеология» - то «зачем» вообще машины работают. Идеология способна переводить технологию в план «средства», исчерпывающего себя в системе отсылок «для чего это нужно». В нашей повседневной жизни мы так и относимся к технике — как к средству, но тут есть ряд проблем. Технологию нельзя рассматривать только как средство и уже Маркс показал, что в долгосрочной перспективе именно технологии определяют идеологии, а не наоборот.